

ФИНИКОВЫЙ КОМПОТ

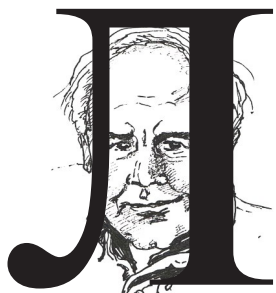
{№4}, август 2013

В номере:

«Опоздывает ли Мессия?» Геннадия Андреева
Феноменология опоздания от Дмитрия Миронова
Логика опоздания от Юлии Чугайновой
Интервью с Александром Тарасовым
Редескрипция человеческого от Евгения Интера
Рецензия на книгу Ж.-М. Шеффера от Федора Гиренка
Шутки Лёхи Зё

Редакторская

Лето было тяжелым. Пыльным. И оставило следы. Это лето, по слову замечательного детского писателя Владислава Крапивина, кончится не скоро. Для нас. Следы эти разного рода. И политические, и личные. Первые, думаю, являются маловажными. При карликовости акторов современной капиталистической политики, мелкие события частной жизни выглядят чуть ли не осевым временем.

Поэтому номер об опоздании выходит с опозданием. Шутка избитая, и пусть лучше она прозвучит в Редакторской. Оградим остряков от всего банального и бородатого, обращая их взоры к новым горизонтам юмора. Но можно ли сказать, что мы опоздали выпустить номер? Ведь «ФК» — наше дело, мы ни с кем не договаривались о том, когда будут выходить номера. Сроки, установленные для авторов, — это наши с ними личное дело. Насколько я знаю, никто не ушел обиженным.

Можно ли опоздать, если ты не имеешь договоренности о времени? Наверное, как-то можно. Можно допустить применимость оператора «опоздать» к таким глаголам как «жить», «учиться», «любить». Но ведь и тут есть скрытое указание на темпоральность: имеется в виду, что есть некоторое время, в которое нужно весело прожигать отпущенное тебе, впитывать знания и гореть эротическим огнем. Значит, выпуск просто не мог опоздать. Неправда, однако, и то, что мы управились вовремя. Просто как-то управились.

Факт неограниченности «ФК» ничем, кроме нашей воли и параграфов «УК РФ», очень важен. При этом есть люди, в остальном мне чрезвычайно симпатичные, которые упорно видят в нас то граждан, отколовшихся от родного университета, то ставленников администрации Философского факультета МГУ. Эта бинарная оппозиция никак не относится

к «ФК». Мы делаем свой журнал, и иногда нам пишут люди, работающие в администрации, а сами мы продолжаем в том или ином статусе входить в корпорацию факультета.

Второе замечание, которое можно услышать в адрес «ФК», — это неактуальность. Лень и смех, опоздание и курение, философские кружки и религиозные субкультуры, социология философии — все это, конечно, не дураки и дороги. И не украденный лес с выступлением Путина на Селигере. Я знаю, что некоторые представители современной российской философии крайне обеспокоены ее неактуальностью и невостребованностью. Такие проблемы есть, и мы ими тоже озабочены. Однако добиваться дешевой популярности, рассуждая на популярные темы, мы не будем. Не будем еще и потому, что то, что бросается в глаза, часто оказывается не тем, чем кажется, — а еще чаще оказывается просто чушью. Главные проблемы философии вовсе не в том, что она не способна отвечать на вызовы времени (мало ли среди политических обозревателей людей с философским образованием). Главные ее проблемы — научные, теоретические. С другой стороны, занимаясь нашими небольшими, полуразвлекательными сюжетами, мы помогаем себе (хотелось бы, и еще кому-то) осознать проблему свертывания приватного пространства в духовной сфере (что соответствует продолжающейся приватизации в экономической). Темы номеров и разделов журнала взяты не случайно, они имеют прямое отношение к нам самим и к тому, что вокруг нас, и чего становится меньше. Поэтому мы останемся с тем, о чем мы пишем и о чем думаем. Хотя за советы, добрые и не очень, очень благодарим.

Теперь о теме номера. Опаздывать нехорошо. Но при этом все опаздывают. Кто-то, понятно, не опаздывает, а задерживается. Думаю, перед лицом вечности это не лучше, чем опаздывать, но началству, конечно, виднее. Но из этой старой иерархической шутки видно, что опаздывать бывает прият-

но. Сразу власть ощущаешь: когда хочешь, тогда и прихожу. Приятно бывает и ожидать, особенно если то, чего ты ожидаешь, скучно и неприятно. А так, сидишь себе, читаешь, музыку слушаешь, на птиц смотришь. А опаздывающая неприятность — ну да придет когда-нибудь. Мы сильно недооцениваем роль ожидания и опоздания в продуктах человеческого духа. Мало ли что будет создано в очереди, пока ожидаешь врача? Разве само ожидание не может быть сюжетом любовного, скажем, романа? А опоздание — разве не может оно служить завязкой для драматического действия? И уж совсем экстравагантно: можно представить опоздание как своеобразное эпохе, привычку ума воздерживаться от популярных сюжетов, дожидаясь, пока создавшие и поддерживающие их люди не прекратят интеллектуальные игры и не займутся своим делом: тогда и придет время похвалить себя, что верно в свое время угадал эфемерность проблемы. Так, опоздание в качестве такого вот философского метода практиковал Ричард Рорти.

Словом, не все так просто в этой теме. Как обычно, сразу после редакторской, помещены «Прологомены к понятию “опоздание”», где мы пытаемся внести некоторую ясность в вопрос. Кроме того, в номере вы найдете блестящую, написанную в феноменологическом ключе статью Дмитрия Миронова, раскрывающую субъективный опыт опоздания, в противоположность объективистски ориентированным пролегоменам.

Логинов Евгений

Пролегомены к понятию опоздания

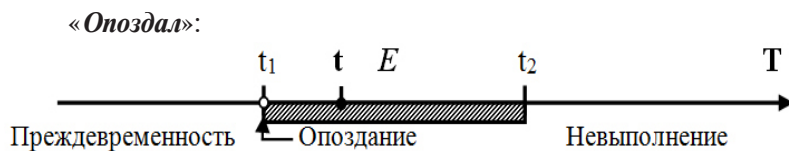
Толковый словарь русского языка (под ред. Ожегова) определяет слово «Опоздание» как «приход, наступление чего-н. позднее установленного срока»; соответственно, «Опоздать. 1. Прибыть, появиться позже, чем нужно. 2. Сделать что-н. позже, чем нужно, или, упустив время, не сделать чего-н.». Антонимом выступает слово «Успеть. 1. В нужное время, в срок сделать что-н., прибыть куда-н.». Вместе с тем, языковая интуиция подсказывает, что, несмотря на синонимичность «опоздать» и «не успеть», значение этих слов отнюдь не тождественно. В самом деле, почему, скажем, можно *не успеть* поймать мяч, но не получится *опоздать* поймать его?

1. Логика опоздания

Приглядевшись, мы обнаруживаем отсутствие строгой привязки «неуспевания» к конкретному временному параметру. Не успеть — значит не выполнить, не совершить определенное действие в предполагаемой заранее последовательности действий или событий (бросок мяча → его полет → поимка), безотносительно к конкретному времени свершения как ключевого действия (поимки), так и соотношенных с ним событий (неважно, бросят ли мяч в 13:47 или в 16:54). Неуспевание говорит нам об упущении в череде событий, в какой бы момент или интервал времени оно ни возникло. Напротив, для опоздания привязка к конкретному времени является ключевой, но при этом теряет свою значимость последовательность сопутствующих событий. Невозможно опоздать на поезд, если точное время его отправления не задано заранее; но если оно известно, для засвидетельствования такого опоздания достаточно одного факта отсутствия пассажира в вагоне в момент отправления. Опоздать, таким образом, значит не совершить предполагаемое действие в заранее установленный момент времени, безотносительно к тому, какие события имели место до этого и будут иметь после.

Другие различия опоздания и неуспевания обнаружатся, если вместо атомарных ситуаций (единомоментного действия поимки мяча и момента отправления поезда) рассмотреть ситуации континуальные (связанные с длящимися действиями и интервалами времени). В таком случае сами опоздание и неуспевание окажутся длящимися ситуациями, имеющими каждая начало, конец и интервал наличествования. Для неуспевания это будет интервал, находящийся между событием (или действием) завершенным и событием (действием) грядущим, в котором субъект намерен и принципиально может свершить определенное действие, но упускает эту возможность. Таковым может быть, скажем, интервал между приходом субъекта на остановку и прибытием транспорта,

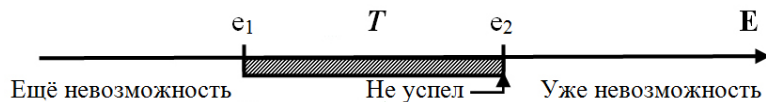
в течение которого субъект хотел успеть покурить. Для опоздания же аналогичным интервалом будет являться период времени между моментом начала некоторого события, приуроченного к конкретному времени, и моментом его завершения, также определенным на временной шкале (например, период между началом и окончанием пары), с аналогичными условиями намерения и возможности (отметим, что данные условия являются необходимыми (нельзя опоздать или не успеть совершить то действие, которое заранее не задумывалось или не было принципиально возможным), однако не выступают здесь в качестве объектов рассмотрения, полагаясь данными). Подчеркнем, что формальная структура ситуаций «опоздал» и «не успел» задает указанные интервалы как единственно возможные для фактического наличия этих ситуаций: опоздание не имеет места, покуда пара ещё не началась, когда же она уже закончилась, имеет место не опоздание, но неявка; аналогично и с неуспеванием. Обнаруживаемые же здесь различия заключается, во-первых, в моменте фиксации этих ситуаций: опоздание фактически фиксируется в момент начала своего интервала наличествования, ситуация «не успел» — в момент его завершения; а во-вторых, в том, что, если для неуспевания принципиально *несовершение* (или *незавершение*) ключевого действия, то для засвидетельствования наличия ситуации опоздания принципиальным оказывается *свершение* ключевого действия в соответствующем интервале (опоздать на пару можно, только если таки прийти на неё). Таким образом, для континуальных ситуаций опоздание означает свершение определенного действия позже намеченного срока, но до наступления момента неактуальности его свершения. Указанные формальные условия обеих ситуаций можно представить графически:

На временной шкале T обозначено время начала (t_1) ключевого события (E), с которым связано предполагаемое свершение ключевого действия, и время окончания E (t_2). Интервал фактически возможного наличия опоздания ($t_1 + 1; t_2$) показан штриховкой. Моментом фиксации наличия опоздания является момент, следующий за моментом начала E ($t_1 + 1$; отмечено стрелкой), т.е. первый момент фактического наличия опоздания. Совершение ключевого действия в интервале ($p; t_1$), где $p < t_1$, считается преждевременным (либо, если $p \ll t_1$, не связанным с E). Совершение ключевого действия в интервале ($t_2; f$), где $f > t_2$, считается невозможным (или не связанным с E). Произвольной точкой $t \in (t_1 + 1; t_2)$ отмечено время

свершения ключевого действия, необходимого для засвидетельствования опоздания, неперехода его в ситуацию невыполнения. Если же ключевое действие свершается в момент t_1 (или в некоторой, ситуативно устанавливаемой, окрестности точки t_1 (отмеченной белой точкой)), оно считается свершенным вовремя и устраняет возможность наличия ситуации «опоздал».

«Не успел»:

На шкале последовательности событий E обозначено окончание (e_1) события (или действия), предшествующего предполагаемому выполнению ключевого действия, и начало (e_2) следующего события (или действия). Период времени T , соответствующий интервалу ($e_1; e_2$), показан штриховкой и задаёт интервал фактически возможного наличия ситуации «не успел». Моментом её фиксации (отмечено стрелкой) является момент, соответствующий e_2 , т.е. последний момент фактического наличия этой ситуации (после фиксации её наличие относится ко всему интервалу ($e_1; e_2$)). Свершение ключевого действия в период ($p < e_1; e_1 \cup (e_2; f > e_2)$) считается невозможным. Свершение (завершение) ключевого действия в интервале ($e_1; e_2$) устраняет возможность наличия ситуации «не успел».

Представленные графические схемы актуальны и для атомарных ситуаций — с той лишь разницей, что в них будет отсутствовать центральный интервал, а в случае опоздания — и момент совершения ключевого действия t .

Рассмотренная структура опоздания применима при построении формальных (математических, логических и проч.) теорий и описаний случаев опоздания. Вместе с тем, такое рассмотрение, успешно и строго определяющее формальные условия возможности фактического наличия опоздания, не способно ответить на вопрос о его причинах.

2. Психология опоздания

Среди причин опоздания в первом приближении удобно выделить три группы: зависящие от воли опаздывающего субъекта, не зависящие и пограничные. Группа не зависящих от воли опаздывающего причин банальна: к ней относятся различного рода форс-мажоры, непредвиденные объективные обстоятельства и т.п. Несколько больший интерес вызывают пограничные ситуации, в число которых следует отнести являющиеся «неуважительными» независящие от воли опаздывающего причины (типа сломавшегося будильника), зависящие, но признающиеся «уважительными» (типа ухода за заболевшим ребенком), а также равновисящие от опоздавшего и сторонних факторов (типа ввязывания в драку). Зачастую вопросы об оценке данного типа причин обретают острую форму (например, опоздание может стать причиной увольнения сотрудника, имеющего выговор; при этом

ТК РФ не содержит перечня «уважительных причин» опоздания), а в силу недостаточности логических оснований их решение лишено однозначности и сильно варьируется от случая к случаю. Единственная общая стратегия решения подобных вопросов, обнаруживаемая в юриспруденции, социологии и других областях, сводится к обращению к традиции разрешения аналогичных вопросов.

Гораздо более разнообразной является типологизация причин опоздания, зависящих от субъекта действия. Здесь в отдельный вид следует выделить причины «позитивных» опозданий, т.е. опозданий, легитимированных традицией той или иной социальной группы и признающихся нормой и/или приветствующихся. Таковым можно считать, скажем, 25-минутное опоздание на встречу с подругой, которая регулярно позволяет себе опаздывать на полчаса, или опоздание к началу празднования Дня рождения, почитающееся в этикете за хороший тон. Очевидно, что достаточной причиной таких опозданий является сознательное следование традиции и нормам группы.

Опоздание также может быть успешно рассмотрено не только как следствие некоторых причин, но и как психическое состояние

Совсем иные причины обнаруживаются в случаях «негативных» опозданий, т.е. таких, которые признаются социальной группой и самим действующим субъектом «не comme il faut» и нарушают гласно или негласно установленные нормы. На помощь в их освещении приходит психология. В её рамках опоздание может быть успешно рассмотрено как частное следствие прокрастинации и, соответственно, обуславливаться нерешительностью (а нужно ли мне туда идти?); страхом перед неудачей (опоздание на экзамен) или неодобрением со стороны других; стремлением противостоять установленным извне нормам и срокам (см. статью Д. Миронова в текущем номере) или попыткой самоутверждения по иным мотивам (мою важную персону не грех и подождать); перфекционизмом (опоздал, поскольку долго и тщательно собирался); а также недостатком мотивации (вследствие недостаточной информированности, нехватки ресурсов, наличия более предпочтительной альтернативы и проч.), отсутствием конструктивных навыков (грамотной постановки и достижения целей, адекватного распределения и оценки времени, сил, прочих ресурсов), ленью (подробнее о ней см. выпуск ФК №2, 2012) и, наконец, расстройством психики и патологией (которую отчасти можно отнести к группе не зависящих от воли опаздывающего причин). При этом в отдельных случаях (при отсутствии конструктивных навыков или наличии патологии) для устранения причин опоздания может потребоваться поддержка и помощь специалиста (коучера по тайм-менеджменту, психоаналитика или врача).

При этом опоздание также может быть успешно рассмотрено не только как следствие некоторых причин, но и как психическое состояние (спровоцированное ли зависящими или не зависящими от субъекта факторами), которое само является причиной

определенных действий, переживаний и мыслей опаздывающего: его поспешности, резкости движений, невнимательности, тревожности, вербальных отчетов и проч. Необходимо подчеркнуть, что такое рассмотрение опоздания является альтернативным и принципиально не согласующимся с формальной структурой ситуации опоздания.

Опоздание и предстает как переживание неудачи, невозможности исполнении намерения данного типа

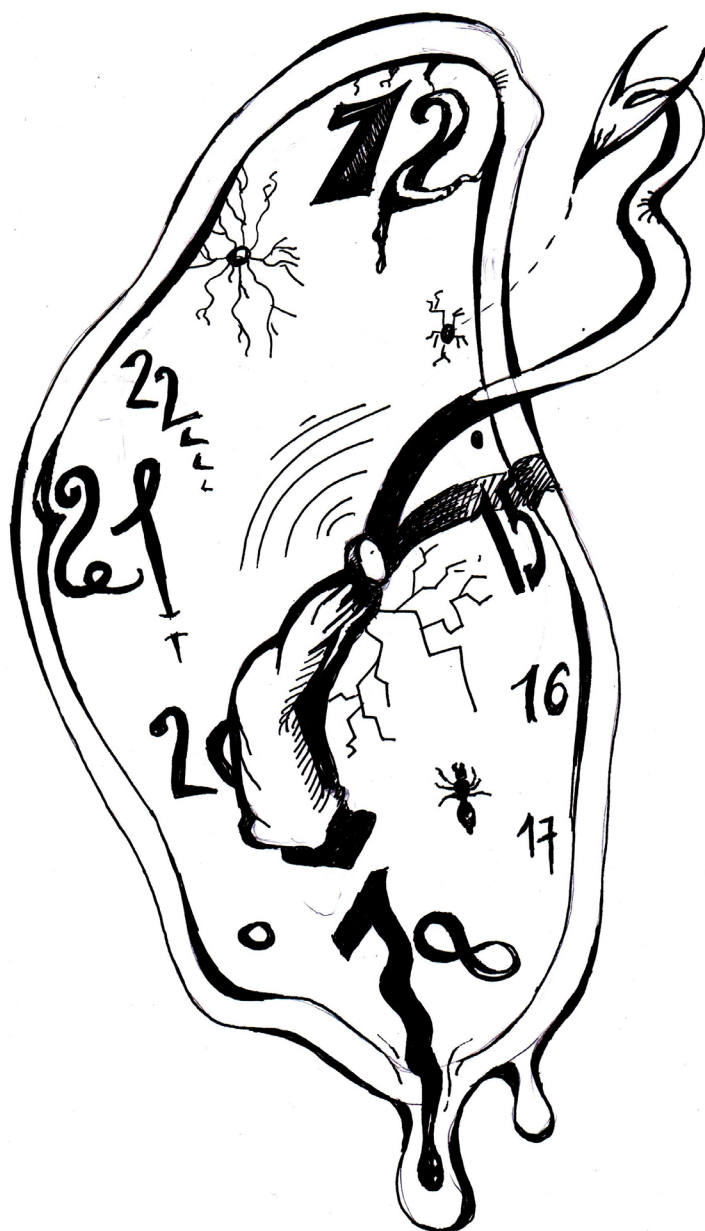
Опоздание как психическое состояние предстает переживанием невозможности удовлетворения желания, исполнения намерения или принятого обязательства совершить определенное действие к определенному времени. Как таковое оно обнаруживает свою независимость от формальных условий фактического опоздания, рассмотренных в п.1. А именно, опоздание как переживание обычно обретает свое наличное существование значительно раньше момента t_1 , при этом его наличие не зависит ни от фактического наступления ситуации опоздания (которое вследствие такого переживания может оказаться предупрежденным или, при осознании субъектом неизбежности превышения допустимого времени опоздания, заведомо переведенным в ситуацию «невыполнение»), ни от фактического наличия ключевого события E (которое, в итоге, может и не наступить). Условия, от которых обнаруживает свою прямую зависимость опоздание, переживаемое субъектом, оказываются не внешними (любое из внешних обстоятельств — будь то ожидания другого человека или неумолимое расписание поездов — для наличия переживания опоздания не является ни необходимым, ни принципиальным, т.е. не является его условием, вследствие чего может не браться в расчет вовсе или учитываться как побочный, сопутствующий фактор), но исключительно внутренними, и сводятся к а) установке самого субъекта, заключающейся в намерении совершить определенное действие к определенному времени и признании, оценке (осознанной или неосознанной) этого намерения как значимого, регулятивного по отношению к поведению в целом; б) осознании невозможности (по той или иной, зависящей или независящей от субъекта причине) исполнить это намерение в положенный срок. Опоздание и предстает как переживание неудачи, невозможности исполнении намерения данного типа. Будучи фрустрирующим, данное состояние требует выхода из него либо через приведение намерений и возможностей к взаимному соответствию (путем спешки опаздывающего, изменения условий изначального обязательства (например, времени встречи)), либо через выполнение ключевого действия, невзирая на нарушение изначальных условий (сюда можно отнести как собственно фактическое опоздание, так и выполнение ключевого действия вне рамок изначальной задачи: дескать, опоздал по срокам, но работу доведу до конца), либо через радикальный отказ от изначального намерения и смену установки (не опоздал в театр, а передумал идти), либо через обычные стадии смирения (отрицание —

гнев — осознание — депрессия/досада — смирение; примерно это переживает человек, глядя с перрона вслед своему поезду).

Приведенное рассмотрение опоздания как психического состояния может не только послужить отправной точкой его дальнейшего исследования в различных областях психологии, но и стать подспорьем для его осмысления в контексте феноменологии, этики и проч.

Приведенные противоположные подходы к описанию опоздания — объективистски-ориентированный формальный и субъективистский психологический — являются базовыми. На их синтезе возможно построение юридической трактовки опоздания, потребность в которой уже давно назрела, социологической, экономической и других.

Мерцалов Андрей

Об объективном опыте опоздания: субъективная заметка

Опоздание нельзя описать отдельно от ожидания. Одно обязательно отсылает к другому: опоздание и ожидание

не образуют диалектической пары, которая опосредовалась бы, скажем, своевременностью, но они обозначают собой два связанных момента моего бытия с Другим. Когда я опаздываю, Другой по необходимости меня ожидает. Когда я ожидаю, Другой по необходимости опаздывает.

Я опаздываю. Это означает: я договорился с Другим, я о чём-то с ним условился. Согласно условию и договорённости, я совершаю какие-то действия, но, к сожалению, не успеваю, опаздываю. Я, конечно, понимаю, что опаздываю, и поэтому спешно продолжаю совершать условленные действия. Что Другой? Он ждёт, он помнит о договорённости. Что я? Я тороплюсь и спешу, я хочу сделать то, о чём договорились. Я верен договорённости. Я не хочу подводить Другого. Почему всё-таки я опаздываю? Другой важен для меня, но

хочу ли я полностью быть верным ему? Похоже, вот почему я опаздываю: я не хочу полностью зависеть от договорённости с Другим — мне не нравится, что Другой ограничивает меня, ожидая своевременного выполнения договорённости. И чем тогда оказывается моё опоздание? Тем, что открывает моё двойственное отношение к Другому: я верен Другому, потому что я завишу от Другого, и я отрицаю эту верность, потому что я не хочу зависеть от Другого.

Кажется, что-то сартровское есть в теме ожидания и опоздания

Я ожидаю. Это означает: я договорился с Другим, я верю, что он совершит определённые действия так, как было условлено. Кажется, что в ожидании я пассивен, а действует, активен Другой. Так ли это? Я ожидаю, что Другой выполнит условия, я доверяю Другому, остаюсь ему верным. Я безусловно связан (с) Другим, он ограничивает меня. Кажется, от него зависит всё, от меня — ничто. И всё же: не ожидаю ли я потому, что полагаю: я способен

влиять на Другого, я определил Другого, и теперь он зависит от меня? Так пассивен ли я? И одновременно это значит: свободен ли я? Да, всё-таки я свободен; я волен определять Другого, в конечном счёте, он зависит от моей оценки, он судорожно пытается успеть — я заставляю его опаздывать. И что тогда моё ожидание? Это способ выяснить и уточнить моё отношение к Другому: я верен Другому и завишу от него, но также я определяю Другого и заставляю его зависеть от меня. А значит — я и свободен, и не свободен в своих отношениях с Другим.

Кажется, что-то сартровское есть в теме ожидания и опоздания. А что своевременность? Она отрицается опозданием. Своевременность поощряют, опоздание порицают. Но своевременность скучна. Скучна именно потому, что не позволяет отчетливо проявить то, что может высветить опоздание: мою связанность (с) Другим, мою зависимость от Другого. И вслед за этим: в своевременности не так явно раскрывается многосложная связь моей свободы с моей ограниченностью.

Мионов Дмитрий

Опоздание и формализация

Языковые выражения, сообщающие нечто об опоздании, содержат временные параметры, а раз так, почему бы не попробовать представить их посредством выразительных возможностей временных логик? Уже от отца-основателя А.Н. Прайора построение темпоральной логики начиналось с определения того,

какие онтологические и гносеологические постулаты касательно природы времени стоит принимать в качестве исходных. Это не просто формальный язык и правила для синтаксических манипуляций. Прайор мыслил ее как часть философской логики, что означало необходимость принимать интуиции, вытекающие из повседневного языка.

Возьмем, например, такие выражения, как 1) «Господин N опоздал на 24 минуты» и 2) «Господин N пришел на встречу не в назна-

ченное время t_1 , а в t_2 ». Мы вполне можем формализовать такие высказывания в рамках классической логики предикатов первого порядка, немного дополнив первопорядковый язык временными параметрами. И выглядеть это будет так:

1) $Q(a, 24 \text{ минуты})$, где a соответствует имени «господин N», а Q соответствует двухместному предикату «(некто) опоздал на (такой-то промежуток времени)»;

2) $\exists t_1 \exists t_2 (\neg(P(a, t_1)) \& P(a, t_2) \& t_1 < t_2)$; где a также соответствует

имени «господин N», *P* — двух-местному предикату «(некто) пришел на встречу в (такой-то момент времени)»

При формализации, представленной в п.2, теряется тот смысл, которым наполнено слово «опоздание». По идее, вместо t_1 мы вполне можем подставить любое время, которое раньше, чем момент времени t_2 , но тогда мы упускаем важность самого момента, в который была назначена встреча, его субъективную значимость. Но все же, обратимся к тому, как мы употребляем выражения, связанные с ситуацией «опоздание». Итак, прежде чем кто-то скажет «я опоздал», в его голове будет крутиться фраза «я опаздываю». Каким в такой ситуации, когда «я опаздываю» нам представляется время? И тут уместнее всего говорить о времени как длительности, т.е. о времени в его бергсоновском понимании. А тогда уже совсем неуместна формализация такого

рода языковых выражений посредством таких систем, где о времени говорится, например, с точки зрения линейности, что является как раз пространственным выражением времени. Возможно, стоит пойти иным путем, и рассмотреть овремененные высказывания в рамках неклассических логик, где о времени говорится как о временных модальностях. Прайор отмечал, что уже в античности присутствуют интуиции по поводу связи времени и модальности. Так, он занимался реконструкцией аргумента-трилеммы Диодора Кроноса, которая касалась как раз сочетания возможности/необходимости с временными параметрами и тем, как от этого менялась истинность высказывания. Диодор Кронос определял возможное как то, что является или будет являться истинным, а необходимое — как то, что, будучи истинным, не будет ложным. Итак, алетические модальности могут быть определены через временные, но

в нашем случае с разъяснением природы опоздания алетические не представляются полезными. Тот момент времени, к которому мы не успеваем вовремя, имеет определенную значимость. Условием того, что мы приобретаем возможность опаздывать, является то, что мы наделяем определенный момент времени свойством «обязывать нас приходиться вовремя». Этот момент времени связан с долгом, обязательством. И тогда, гораздо уместнее связывать временными параметрами не с алетическими модальностями, а определять их через деонтические модальности, которые определяют ситуации с точки зрения соблюдения норм, в данном случае — норм этики/этикета. Итак, как бы банально это ни звучало, но мы констатируем очевидную связь опоздания не только со временем, но еще и с этикой. Вступать же на зыбучие пески этики довольно неприятно.

Чугайнова Юлия

Задерживается ли Мошиах?

Чем отличается то, как ждут Мошиаха хасиды, от того, как ждут литваки (последователи Виленского Гаона)? Приходит Мошиах — видит, сидят литваки, учат Тору; литваки ему говорят: «Погоди, подожди чуток, вот мы сейчас допишем «худушей Тойре» (букв. «обновления Торы», т.е. новые комментарии к ней)!». Приходит Мошиах — сидят хасиды, устраивают застолье, видят Мошиаха и говорят: «Эх! Поздно пришёл — водку-то мы уже всю выпили!»

Из еврейского фольклора

Один из принципов еврейской веры, сформулированных ещё РаМБаМом (Маймонидом): ожидание прихода Избавителя народа израильского. Его надо ждать каждый момент своей жизни. Но, пишет РаМБаМ, как бы мы его ни ждали, он всё равно придёт неожиданно.

В еврейской истории были неоднократные попытки его приход ускорить или вычислить. Про последнее всё тот же РаМБаМ, светило не только еврейского, но и всего средневекового рационализма, говорил: «Да оставит разум всякого, кто пытается вычислить дату Избавления (т.е. прихода Мошиаха)!»...

Но всё же, кто такой Мошиах, и почему мы его так ждём?

Само слово происходит от глагола מָשַׁח «мешех» — мазать, помазывать, и означает «помазанник». Из еврейской истории мы знаем, что оливковым маслом (на иврите מִשְׁחָ «шемен», что на греческий перевели как ελαιος, от средневекового чтения которого и произошло русское «елей») мазали первосвященников и царей в Израиле. Первым помазанным коэн-гадолом (т.е. первосвященником) был брат Моше (Моисея) Аарон, а царём — Шауль. Но из истории мы помним, что за многие проступки (среди прочих — неуправление до конца Амалека, главного врага Израиля), Б-г отверг Шауля и избрал молодого пастуха Давида из колена Иехуды.

Фигура этого царя для представлений о Мошиахе ключевая.

С точки зрения здравого смысла, Давид вообще не должен был становиться царём — с его-то родословной! Вы только подумайте, сказали недоброжелатели! С одной стороны, он потомок от брака Иехуды и его невестки Тамар, заключённого известно как, а с другой — Рут-моавитянки, а ведь моавитянам присоединение к народу Израиля заказано до века!

Но на все претензии мудрецы нашли ответы. Нашли много, и вот некоторые из них. Да, моавитянам нет входа в Общину Г-спода (т.е. в еврейский на-

род), но моавитянам, а не моавитянкам! К тому же, Рут прошла гиюр (т.е. стала прозелиткой, а, значит, и полноправной еврейкой). А знатоки Тайной Торы добавляют: у Рут была изначально еврейская душа.

Классики хасидизма, подчёркивая, что задача всей еврейской истории — это приведение в мир Мошиаха, говорили, что его приход будет исправлением греха Иехуды и Тамар.

Итак, кем же и каким должен быть Мошиах?

РаМБаМ резюмирует слова мудрецов: он должен быть потомком царя Давида, должен собрать весь еврейский народ в Земле Израиля, отстроить Храм и уничтожить потомство Амалека.

Давайте рассмотрим эти качества Избавителя народа подробнее.

«не думай, что Избавитель будет творить чудеса, воскресать мёртвых, исцелять больных, как то предполагают глупцы»

Потомок царя Давида — ведь только ему и его потомкам Б-г даровал власть над Израилем. Причём этот потомок, в общем-то, будет обычным человеком, никаким не чудотворцем: «не думай, что Избавитель будет творить чудеса, воскресать мёртвых, исцелять больных, как то предполагают глупцы» — говорит нам РаМБаМ. Потомки царя Давида, как, впрочем, и потомки Аарона (коэны), живут и сейчас. Среди наиболее известных личностей — МаГаРаЛь (р. Иехуда-Лейб из Праги, который сделал голема), 7-ой Любавичский Ребе (р.Менахем-Мендел Шнеерсон) и... Карл Маркс.

Мошиах соберёт всех евреев вместе. Это очень важно, ведь, как известно, «два еврея — три мнения», и вряд ли можно найти двух евреев, в чём-то согласных друг с другом. Однако в истории был один прецедент, когда народ всё-таки был един — момент дарования Торы. Мессиянское время охарактеризуется таким же единством. И оно осуществится в Земле Израиля, дарованной еврейскому народу Б-гом и — по выражению р.Моше бен Нахмана (РаМБаНа или Нахманида) — «пригодной для исполнения заповедей и жизни по Торе так же, как перчатка для руки». Отметим в скобках, что нынешнее государство Израиль, созданное по образу и подобию европейских абсолютно светскими и даже анти-иудейски настроенными людьми, таковым не является, однако статус Земли Израиля остаётся таким же святым.

Конец Изгнания (Галута) ознаменуется строительством Третьего Храма. И первый, и второй Храмы были центрами еврейской жизни и объединяли народ, а главное — они были местом пребывания Шхины — Б-жественного присутствия в материальном мире. Как мы помним, первые два были разрушены: соответственно Навуходонешером и Титом, оба 9 числа месяца ав (который сейчас является самым траурным в еврейском календаре). С разрушением Храмов как евреи, так и Шхина отправлялись в Изгнание, Галут. 70 лет плена в Вавилонии называются в Традиции «галут бавли» — «Вавилонское изгнание», а нынешние почти 2000 лет — «галут Эдом» — «Эдомово изгнание» (Эдом — прозвище брата Яакова Эйсава, в еврейской традиции так называется ещё

и Римская империя, и вся западная цивилизация). Третий Храм будет восстановлением полноценного присутствия Б-га на земле и гармонии в мире. Среди народов мира распространён миф, что Мошиах-де будет служить в Храме. Это не так, и это противоречит еврейскому Закону. Ведь Мошиах, т.е. царь израильский, — обычный еврей, и ему также заказан вход туда, куда разрешён только потомкам Аарона — коэнам, а тем более коэн-гадолю, т.е. первосвященнику.

Мошиах уничтожит потомство Амалека. Амалек — это сын Эйсава, его потомки напали на евреев в пустыне, по выходу из Египта, напали вероломно, когда евреи этого не ожидали, поэтому в Торе и сказано (и это повторяется каждым евреем каждое утро, по окончании утренней молитвы): «Помни, что сделал тебе Амалек в пути, когда вы уходили из Египта. Как он застал тебя в пути и прищемил хвост тебе, перебив всех, по слабости оставших от тебя, а ты был изнурён и утомлён, и не побоялся он Б-га. И будет так: когда даст тебе Г-сподь, Б-г твой, покой от всех твоих врагов, что вокруг, в стране, которую Г-сподь, Б-г твой, отдаёт тебе в удел, чтобы ты овладел ею, сотри память об Амалеке из поднебесной, не забудь!». Уничтожение Амалека — большая заповедь для народа Израиля, ведь потомками Амалека были его злейшие враги в библейскую пору: Агаг, Аман... Амалекитянами и в их глазах были и инквизиторы, Богдан Хмельницкий, Гитлер и другие, да сотрутся имена злодеев. Но есть сущность в Амалеке, которая страшнее даже нацистов. Это... сомнение. Да, да. Гематрия (числовое значение букв) ивритских слов «амалек» и «софек» (сомнение) равны. Мошиах уничтожит всякое сомнение в существовании Б-га и, говоря словами пророка, «знанием о Б-ге наполнится земля, как моря водами».

Мошиах уничтожит всякое сомнение в существовании Б-га и, говоря словами пророка, «знанием о Б-ге наполнится земля, как моря водами»

...Так задерживается ли Мошиах?

Трудный вопрос. Как известно, пути Б-га — не наши пути, и откуда нам знать час Избавления?!

В качестве эпилога: рассказывают, что как-то депутат Кнессета, еврей, сказал другому депутату, арабу: «Чего вы так держитесь за свою мечеть Омара на горе Мория? Ведь, когда придёт **Мошиах бен Давид** («помазанник, сын Давида» — ивр.), там всё равно будет стоять Храм!». Араб помолчал, а потом ответил: «Когда придёт **Масих ибн Даут** («помазанник, сын Давида» — араб.), будет хорошо всем: и арабам, и евреям».

Андреев Геннадий

Н+ или Н++: Трансгуманизм и редескрипция человеческого

В свою бытность учеником десятого класса, как-то раз я обмолвился приятелям о посещении семинара трансгуманистов¹, услышав в ответ: «Это ещё что за секта?» Признаться честно, в тот момент меня поразила сама постановка вопроса. Людей, обсуждающих техномодификацию человека, цифровое бессмертие и нанотехнологии (ещё до объявления о них Телевизором), можно было счесть оторванными от науки теоретиками, чудаками-футурологами и ещё много кем — но *почему* секта? Какой ход мысли развернул слово с приставкой «транс-» подобным образом?.. Так началось моё непрекращающееся столкновение с тем, что одно из самых странных и, пожалуй, многообещающих мировоззрений XXI века *непонятно*, начиная уже с названия.

Спор о словах не нов. Мои внутренние боги, он настолько *стар*, что я скорее предпочту поиграть со словами: надеюсь лишь, что это будет игра с положительной суммой. «Транс-» + «гуманизм» — с кого из них начинается партия? Конечно же, с «гуманизма»: этого старого, доброго², уравненного с экзистенциализмом, не покидающего публицистические статьи уже много лет! Человеческое достоинство, равенство всех людей, уважение уважения — и множество свобод, ограниченных лишь друг другом. Национальное? Религиозное? Нет, спасибо: мы слишком

просвещены, чтобы ставить в центр нечто отличное от Самого Человека *фанфары*.

С другой же стороны, ирония избыточна — после всего, что человечество пережило за XX век, гуманизм — едва ли не лучшее решение, какое могло быть предложено. Сильное, по-настоящему достойное и *выстраданное*: я и сам внутренне ощущал себя всецело на его стороне.

До определённого момента.

Одно из самых странных и, пожалуй, многообещающих мировоззрений XXI века непонятно

«Транс-» делает интересными много неожиданных вещей. Гендерные стереотипы WASP парализованы «*транс*сексуальностью», куновские нормальные учёные не понимают, кому в голову приходят «*транс*дисциплинарные» научные исследования, и (да простят меня шестикурсники Хогварта) никто не признаётся в «*транс*грессии» метафизического дискурса. Что же тогда происходит с *трансгуманизмом*?

Если счастье советуют искать на дне бутылки, то ответ на этот вопрос прячется на обратной стороне атомной бомбы. Да-да, той самой милашки, излишняя энергичность которой (вместе с подружками по обе стороны Атлантики) заострила вопрос о выживании человечества — причём так удачно, что уколотившееся пару раз челове-

ство объявило себя высшей ценностью (заодно со своими составными частями). Атомная бомба, однако, не менее *атомная*, чем атомные электростанции: просто вторые — это ооочень медленные первые. Всё как в спорте. И те, и другие стали для середины XX века символами технического прогресса (отнимающего и дающего), а тот, в свою очередь, всего за одно столетие (египтяне просто долго запрягали) устроил целый каскад вкусняш в виде научно-технических революций. Надеюсь, мои постиндустриальные друзья, вы поверите, что текст этой статьи набран на устройстве всё же *чуть более* сложном, чем печатная машинка (если нет — продолжим обсуждение по integrius@gmail.com). Впрочем, здесь меня часто спрашивают: «Разве это — много? Ну, Интернет. Ну, мобильная связь. Ну, инвазивное нейропротезирование паралитиков и глухих. Ну, предсказание более 200 болезней по вашему геному. Всё это, конечно, мило, но... как-то не впечатляет», — признаётся себе-седник, уже собираясь заказывать овощной салат. Бедняга, его ничуть не зацепило — и он ещё надеется исправить это помидорами с уксусом! В ответ я могу лишь развести обеими руками: потому, что у отсутствия впечатлений тоже есть *как минимум два* варианта. Первый — если вы, скучая, родились внутри этого «быстрого» времени (сразу же сменив статус в Фейсбуке), всю недолгую жизнь ничтоже сумняшеся пили молоко из ГМО-коров, а квантовые компьютеры прожужжали вам уши своими низкотемпературными кубитами. А второй...

1. Проходивших раз в месяц в старом зале Института стран Азии и Африки. Там был огромный камин с лепниной и не уступавшие ему в габаритах картины африканок (нарисованные, как ни странно, в Африке). Именно на их фоне звучали рассказы о молекулярной инженерии, нейрокиборгизации и виртуальной реальности.

2. И не забудьте зайти на 5й этаж к Валерию Александровичу с печеньками.

Второй вариант — это когда все сегодняшние научно-технические достижения *уже* устарели из-за знания *о*, из-за восхищения, нет, *пред-восхищения перспектив*, на которые способна наука. Полное картографирование связей человеческого мозга? Уже начали [HumanBrainProject]. Молекулярные фабрики, создающие любые заданные макрообъекты? Так я уже и расчёты предоставил! [EricDrexler] Регенеративная медицина на уровне клеток и «блокировка» человеческого старения? У нас с вами есть все шансы! [AubreyDeGray] Технологическая Сингулярность и сверхчеловеческий разум? Недолго осталось [RayKurzweil].

Есть люди, напуганные стремительным развитием технаук: Тоффлер назвал их жертвами «Шока будущего». А есть люди, готовые пойти за обещаниями научной картины мира до пределов последней.

Этих людей можно назвать *трансгуманистами*.

Гуманизм — наследник Просвещения, пасующий перед подлинным многообразием: потому что оно начинается там, где человеческое — заканчивается. Почему свободный индивид, полный достоинства, уважения и прочих предикатов, должен бояться клонирования и стволовых клеток? Почему он не вправе менять собственный геном? Почему экзистенциальный субъект живёт лишь в уединённом мозге, но не в сети сознаний, соединённых нейроинтерфейсами? Если сегодня у тебя есть компьютер, почему завтра ты не можешь имплантировать его в лобные доли? Или сделать искусственную конечность — превосходящую по силе и выносливости естественную? Или даже такую, которой *нет* в исходном теле: хвост, крыло... Не мечтаешь о полёте *своими* силами?

Трансгуманизм — это решение уравнения гуманизма, доводящее до предельных значений идентичность ядра, считающегося Человеком. Лицо на песке, Мишель? Ну-ну. «Мы ожидаем, что следу-

ющий большой шаг в деконструкции людей будет сделан *бионанотехнологической инженерией*». Это — обещания науки, которые она стесняется озвучивать на публичных пресс-конференциях, но повторяет себе в подушку перед сном. Это — возможность преодолеть старение биологического тела (смерть от старости — устарела), менять *сами* тела, архитектурно перестраивать этажи собственной психики, делиться её содержимым *напрямую* с другими (счастливыми и не очень) обладателями таковой. Разве не тем же ты занимаешься, показывая видеоролик или взахлёб пересказывая впечатления от фильма? А если вспомнить о всех тех переживаниях, которые ты не в силах выразить? Отныне можешь считать это делом времени.

Трансгуманизм — это великопное обещание нам учиться быть разными

...И всё же, и всё же.

«Если вы — трансгуманисты, то мы — *реалисты*», — возразят высокие люди с тонкой переносицей и печальной улыбкой. «Сказочники от имени технологий, вы, наверное, перечитали в детстве Стругацких или Азимова: вы живёте завтрашним днём, но совершенно непонятно, как *выживаете* в сегодняшнем!» И в этом тоже есть своя правда: правда, не совсем та, которая первой бросается в глаза.

Правда в том, что люди, свободно перестраивающие свои тела и живущие в виртуальной реальности по соседству с Искусственными Интеллектами — это *постлюди*. *Постчеловечество*. Как *постмодернизм*, только диссеминирующий твою плоть: если думаешь, что твой знак-лёгкие слишком ограничен, припиши к нему знак-жабры — и прочти своим телом море как совершенно новое предложение!..

Сейчас, в 2013 году, мы далеки от подобной *постчеловечности* Именно поэтому речь — о *трансгуманистах*. Вектор, задаваемый маленькой приставкой, — это лицо,

устремлённое вперёд. Это — палец, указывающий на линию горизонта. Это — обещание, которому предстоит помочь осуществиться.

Есть шаги, которые можно вышагивать уже сейчас.

Шаги по городу, например.

Мы бродили с Медведевым Д.А. (да, Данилой Андреевичем) по ночной Москве, чтобы сбросить тяжесть последней пары дней (как раз после октябрьских событий по освобождению «Гольяновских рабов»)³. Мы говорили, и говорили много — и, сдаётся мне, тогда были сказаны одни из лучших слов о трансгуманизме, не вошедшие в «многочисленные популярно-разъяснительные интервью» о нём.

Трансгуманизм сегодня — это навик постоянной самоперестройки. Способность стремительно осваивать новые способности. Готовность отказаться от привычных частей своей личности, рассеянных в мешающих тебе привычках. Учиться учиться. Уметь планировать время. Осваивать компьютерные программы, повышающие эффективность работы со своими мыслями. Быть в центре последних новостей из самых разных секторов Hi-Tech-индустрии, заглядывая при этом дальше, чем самые смелые из них. Одни трансгуманисты — сторонники посмертного крионирования тела в жидком азоте, другие — за архивацию событий своей жизни и «цифровое бессмертие». Но и те, и другие — помогают развивать геронтологию, и развивать её сейчас, не откладывая: пока живы они и их близкие. Трансгуманизм — это устраивать митинги в поддержку регенеративной медицины (!), это — заявлять о своей точке зрения, это — создавать программное обеспечение для нанотехнологического моделирования...

Впрочем, пора уже знать меру с остенсивными определениями.

А, чёрт. Ещё одно. Но только — самое последнее.

Трансгуманизм — это великолепное обещание нам учиться быть *разными*.

3. Стоять, патрулируя задний выход из магазина «рабовладельцев» (годами удерживавших тех женщин из Казахстана), с трансгуманистом из Италии, обсуждая с ним национальные особенности перспектив выращивания органов — наверное, одна из самых непредсказуемых ситуаций в моей жизни.

Российское Трансгуманистическое Движение (РТД) пока что никак не переименовывалось. Зато у него появилась своя эмблемка:

А ещё у него есть целых 3 сайта:

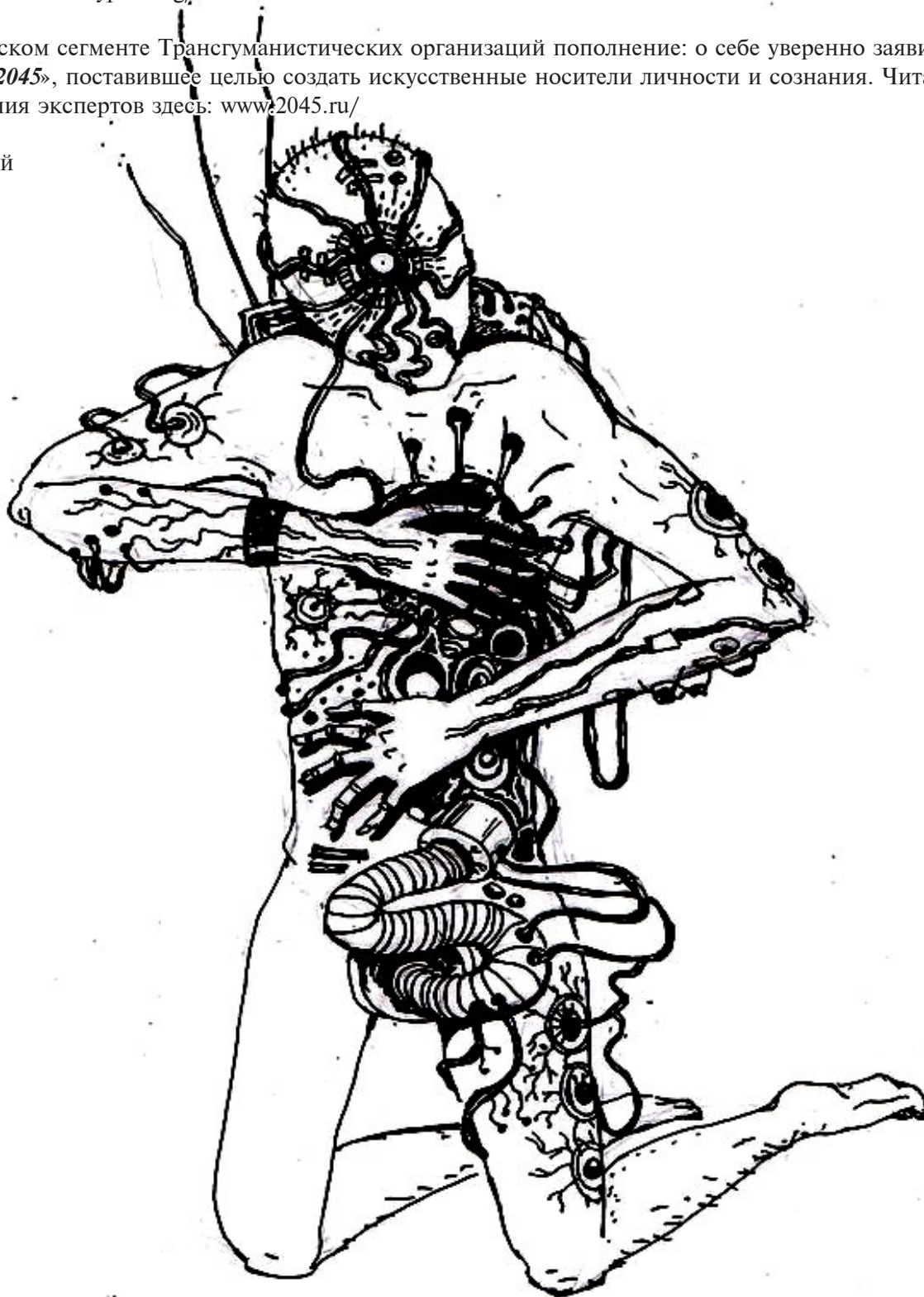
- новый — transhuman.ru/
- старый — transhumanism-russia.ru/
- и магазин «товаров из будущего» — style2030.ru/

А ещё у них есть маниакально-депрессивный (в рабочем отношении) библиотekarь, написавший эту статью. Если ТГ-взгляды показались интересными, заходите в гости! Всякий энтузиаст да получит в подарок книги во имя расширения своей эрудиции!

Всемирная Трансгуманистическая Ассоциация (World Transhuman Association, WTA), исторически первое объединение трансгуманистов, в 2008 году стало Humanity+ (H+). Это сделало их позитивнее. Смотрите на креативщиков здесь: humanityplus.org/

P.S. В российском сегменте Трансгуманистических организаций пополнение: о себе уверенно заявило движение «*Россия 2045*», поставившее целью создать искусственные носители личности и сознания. Читайте их проекты и мнения экспертов здесь: www.2045.ru/

Интер Евгений

Интервью с Александром Николаевичем Тарасовым

Интервью¹ с Тарасовым Александром Николаевичем, директором Центра новой социологии и изучения практической политики «Феникс», автором книг «Провокация» (1993), «Левые в России: от умеренных до экстремистов» (1997), «Революция не всерьез» (2005), и др.

Финиковый Компот: Есть ли среди современной философии что-то, что могло бы стать основой для новой обширной революционной концепции? Какие шансы получить эту роль имеет спекулятивный реализм или акторно-сетевая теория? Что полезного можно найти в идеях прагматистов и аналитических философов?

Александр Николаевич: Ваш вопрос говорит о глубокой патологичности ситуации на философском факультете. Вы упоминаете только то, что в мейнстриме, или то, что модно. Но философ (если он действительно философ) не может гоняться за модой, мода — это для дурачков. Философ (если он действительно философ) не должен быть настолько трусливым, чтобы обязательно следовать мейнстриму. Тем более, Вы спрашиваете о новой революционной теории, предполагая, видимо, что старая умерла. Это не так. Даже в рамках существующего марксизма (а я выступаю за преодоление марксизма на базе самой марксистской методологии, см.: saint-juste.narod.ru/sakraln.htm) элементарно объясняются все произошедшие недавно (включая крах СССР) и происходящие сейчас события. Если кто-то не может этого сделать, значит, у него либо не хватает марксистских знаний, либо не хватает ума для верного использования этих знаний. Я в курсе, что вашему поколению со школы внушали, что марксизм — это глупость, что марксизм потерпел поражение, раз нет СССР. Но вам это внушали и внушают идеологические шлюхи правящего класса, которые всего-навсего отрабатывают пайку. Они ничего другого говорить и не должны. А вот верить им — это *подлинная* глупость, свидетельство неспособности к самостоятельному мышлению.

**Бруно Латур — либо дурак, либо шарлатан.
Вероятнее, шарлатан.**

Отдельные аналитические философы (Витгенштейн или Рассел, например) были когда-то интересны. Но именно *отдельные* люди — и не в области философии, а в области логики, математики, языка. Сама же аналитическая философия — пустое место. Она очень

удобна для правящих классов капитализма, потому и стала мейнстримом. Конечно, вам внушают другое. Но это — ваши проблемы. То есть делу социального освобождения аналитическая философия ничего дать не может. Про акторно-сетевую теорию и говорить смешно. Бруно Латур — либо дурак, либо шарлатан. Вероятнее, шарлатан. Но те, кто ему верит, — точно дураки. Гораздо интереснее проанализировать, зачем это всё тиражируется, в чьих интересах? Но боюсь, на философских факультетах такому не учат. Спекулятивный реализм — это вообще скорее «зонтичное название», описывающее нечто, что даже не оформилось в течение, а тем более не выработало общих понятий. Но я пока не увидел ни у Хармана, ни у Мейясу, ни у Брасье ничего, кроме жалких, робких попыток изложить другим, куда более невнятным и неудачным языком то, что до них было сказано представителями левой материалистической мысли. Это такие бунтари в старшей группе детского сада. «Давайте постлоим баллиаду из килпичиков». Все эти люди (вне зависимости от направления, к которому они принадлежат) не стоят одной (любой) книги, скажем, Иштвана Месароша.

С начала «холодной войны» философы на Западе всё откровеннее превращались в корпорацию идеологических проституток

ФК: Вы не раз критиковали постструктуралистские теории. Как можно суммировать Ваше отношение к ним? В чем основной промах этих философов?

А.Н.: Постструктурализм оказался лишь переходной ступенью к постмодернизму, его преддверием. А весь постмодернизм — пустая болтовня. Я думаю, Вы читали Сокала и Брикмона. Я понимаю, что вас всех учили, что философия — это одно, а наука — совсем другое, поэтому-де критика постмодернизма со стороны ученых «нерелевантна». Это — чушь. Философия — *самое общее знание, самая общая наука*. Если сейчас утверждают иное, то только потому, что капитализм исчерпал весь свой заряд прогрессивности и стал реакционным (как когда-то феодализм). Как всякая реакция, он нуждается в теориях, не позволяющих понимать и анализировать реальность (то есть в бесплодных «умствованиях» и схоластике), и не нуждается в подлинно научном познании мира. Сама фигура философа (еще в XIX веке «указывавшего царям») стала фигурой жалкого, абсолютно ни на что не влияющего обитателя гетто, которого власть

1. К сожалению, объем журнала не позволяет привести на его страницах всё интервью целиком. Продолжение этой беседы вы найдете в нашем блоге: datepalmcompote.blogspot.ru.

подкармливает на всякий случай: вдруг пригодится. С начала «холодной войны» философы на Западе всё откровеннее превращались в корпорацию идеологических проституток: перед ними была поставлена задача разностороннего идейного противостояния Восточному блоку. Были исключения — вроде Франкфуртской школы или французского атеистического экзистенциализма — но они были крайне редки и являлись атавизмом предыдущего исторического периода. В процессе этого противостояния «философы» (без кавычек их писать нельзя) обнаружили, что для успешной реализации поставленной перед ними задачи надо разрушить единый для западного либерализма и марксизма фундамент — наследие Просвещения, то есть «упразднить» науку, объективность, разум. Это и сделал постмодернизм. При этом идеологические проститутки постмодернисты по недостатку ума не понимали, что рубят сук, на котором сидят: после краха Восточного блока нужда в них отпала, финансирование сократилось, интерес к ним (и к философии вообще) катастрофически упал. Правящие классы использовали «философов» как презерватив. После проведения неолиберального разрушения основанной на принципах Просвещения системы образования, разрушения, обеспечившего резкое падение качества образования и навязывание всем узкой специализации, никакая философия вообще не нужна: для идеологического контроля достаточно религии.

Правящие классы использовали «философов» как презерватив.

И до того философия постоянно «ужималась», отдавая огромные пространства, когда-то ей принадлежавшие, **конкретным** наукам (потому, например, давно уже нет натурфилософии). Со временем (если капитализм не уничтожит цивилизацию раньше) философия сократится до «надстройки» над конкретными науками, «надстройки», занятой общетеоретическими и методологическими вопросами, а затем эти две области, вероятно, превратятся в самостоятельные науки. То есть **будущего у этой профессии** (философа) **нет**. Но постмодернизм повел философию к тому же результату **извращенным** способом: поссорил философию с конкретными науками. Без конкретных наук цивилизация не выживет. Без такой, как сейчас, «философии» — запросто. То есть мейнстримовская «философия» сама себе подписала смертный приговор, допустив возникновение постмодернизма. Мейнстримовская «философия» сейчас — это **схоластика**, общественно бесполезные разговоры ни о чем.

Даже за пределами мейнстрима общественно ценной сейчас является лишь социальная философия (и политическая философия как ее часть), **социально ориентированная** философская антропология и методология науки. Всё остальное — мусор.

ФК: Как бы Вы кратко ответили на вопрос: что значит быть левым? Возможен ли какой-то категорический императив в революционной этике? Например, Ролана Барта всю жизнь преследовал такой этический парадокс: он хотел быть левым радикалом, но очень любил мелкие прелести буржуазной жизни. Можно

ли быть честным левым, сохраняя любовь к хорошему табаку, модной одежде или походам в театр?

А.Н.: Вы неверно излагаете трагедию Ролана Барта. Он не «всю жизнь», а лишь первый период жизни хотел быть левым радикалом. Этот период приходится на время Народного фронта, Второй мировой войны, нацизма и его краха, и т.п. Барт был слишком умен, чтобы не понимать, где жизнь, а где пародия на нее. Но он видел, как **опасно** быть частью жизни. И из-за своей **трусости** он в конце концов стал частью **пародии**: после 1968 года всё, написанное им — шарлатанство. Это часто бывает: с возрастом многие становятся глупее, трусливее и гаже. Впрочем, Барт — случай, **типичный** для целого поколения западных псевдолевых интеллектуалов: по мере того, как «первый мир» становился полностью паразитическим, они тоже превращались в паразитов. Все эти сказки Барта, что любая идеология и любой язык являются фашизмом, — не более чем жалкая попытка оправдать свою трусость. Идеологию и язык нельзя отменить, следовательно, фашизм непобедим, а он, Барт, в этом не виноват. Фашизм (в форме неолиберализма), действительно, победил в «первом мире», но Барт виноват: он и не пытался с фашизмом бороться, он к нему **приспосабливался**.

Вопрос не в модной одежде или любви к театру (в российских условиях, с учетом состояния сегодняшнего театра, любовь к нему — это признание в умственной ущербности и дурном вкусе). Это не препятствует быть левым. Вопрос в том, готовы ли вы всем этим пожертвовать ради освободительной борьбы, то есть все дело в приоритетах. Если готовы

и пожертвуете — вы левый, и ваша мораль — революционная мораль. Революционная мораль признает примат общественного блага над частным. Это сопряжено с а) личной храбростью, б) способностью к жертвам и в) умением не по-мещански расставлять приоритеты, в том числе — с отсутствием тщеславия и способностью к методической неброской работе. На философских факультетах этому точно не учат. К тому же индивидуальная мораль не может существовать отдельно от остальных характеристик личности: личность едина. Когда-то в профсоюзной газете «Солидарность» я наблюдал тогдашнего главного редактора газеты, анархистского вождя Андрея Исаева (ныне — известного одиозного единоросса), который с восторгом обсуждал со своими коллегами-анархистами книги Сидни Шелдона. Я просто глаза выпучил от изумления. Но в результате я оказался подготовлен и не удивился тому, что все эти анархи-

сты продались классовому врагу: анархизм у них был показной, дань моде, а сами они как личности изначально были абсолютно буржуазны.

ФК: Над чем вы еще не думали?

А.Н.: Если я над чем-то не думал, как же я могу об этом говорить? Но сюжет, которым я специально не занимался, однако в последнее время все чаще понимаю, что заняться им следует, есть. Это влияние глупости на социальные и исторические процессы. Поскольку все больше убеждаюсь, как много зависит от индивидуальной и коллективной деятельности дураков.

Рецензия

Конец Жан-Мари Шеффера

Филипповский компот» попросил меня написать рецензию на книгу Жан-Мари Шеффера

«Конец человеческой исключительности». Я согласился и прочел книгу Шеффера. Первое, что я понял, что Шеффер — это даже не Пинкер. Шеффер — это какой-то новый вариант Уилсона, который 60 лет назад изобрел социобиологию. Правда, сегодня для Шеффера социология и есть не что иное, как биология, и в этом новизна его книги.

Идея книги проста: человек — это обезьяна. Вернее, это популяция обезьян, подчиненная законам генетики. Все хотят оставить потомство, но не у всех это дело получается из-за конкуренции.

Философия понимается Жан-Мари Шеффером как высказывание, согласованное с существующими научными знаниями. Если высказывание не согласуется со взглядами ученых, то оно теряет смысл.

К чему ведет такое понимание? К тому, что философия превращается в служанку наук, в комментарий к тому, что думают ученые, в болтовню. В книге критикуется Декарт, Гуссерль, Хайдеггер, но, на мой взгляд, эта критика ведется не на уровне философской изобретательности критикуемых столпов философии. Например, Гуссерль пишет: человек выступает как «существо, свободно определяющее себя», «свободное в своих возможностях придавать себе и окружающему миру разумную форму». Шеффер комментирует эту фразу так: «человек есть источник и основание любой формы разумности». Но это не так. Человек свободен, и эта свобода делает возможной разумную форму, которую иногда придает миру человек. А иногда он придает миру неразумную форму, ибо свободен в отличие от бесшерстных кротов, которые всегда разумны, но не свободны.

Как строятся доказательства Шеффером? Он показывает, что, сколько существует форм жизни, столько существует и исключений.

Поэтому человек не исключение, а одна из форм биологической жизни. Согласно Шефферу, нельзя человека противопоставлять животным, ссылаясь на то, что человек живет в обществе, что у него есть культура и что он говорит. Все это есть и у животного. Ссылки на сознательность человека не основательны. Никто не доказал, что животные не мыслят. Шеффер в своей социобиологической теории пропустил несколько мыслимых в философии моментов со времен Платона.

1. Человек галлюцинирует и воображает. И в той мере, в которой он это делает, он не часть природы. Природа таких животных выбраковывает.

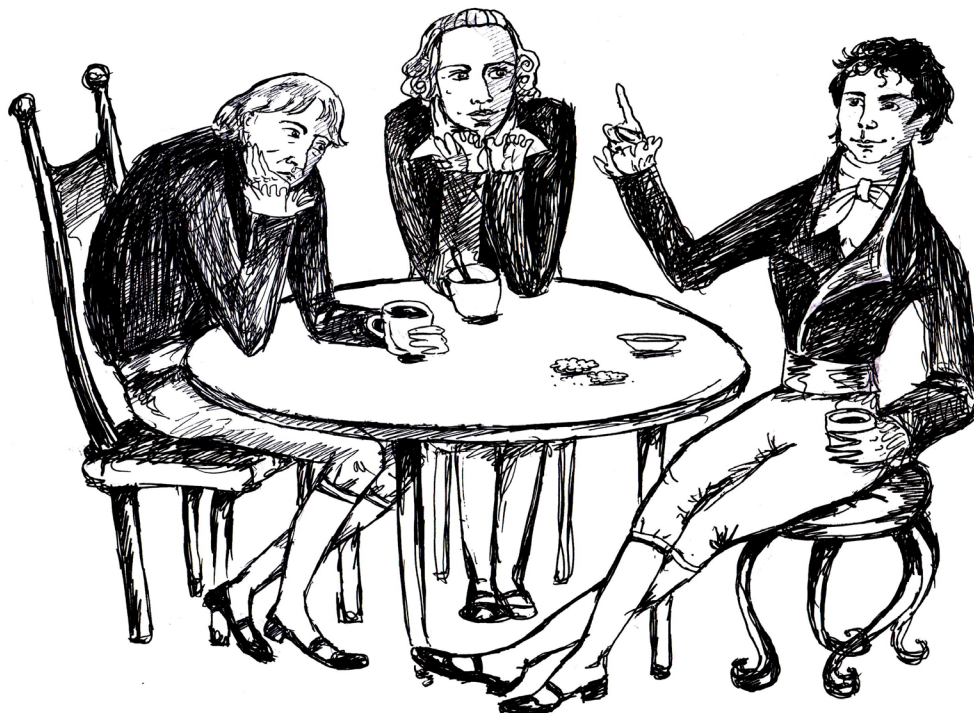
2. Человек — не элемент социума. Животные, конечно, социальные, а человек — асоциален в той мере, в какой он аутистичен. Поэтому концепт биосоциального устройства человека оказывается заблуждением.

3. Природа умна. Животные рациональны. Человек не разумен. Шефферу даже во сне не может прийти эта мысль.

4. У животных язык — это инстинкт. Человек же изобретает язык. У животных язык — это их «сознание». У человека язык — враг сознания, но друг социума. Языковому всегда предстоит воображаемое.

В заключение я подумал о том, что однажды «Финиковый компот» даст мою книгу «Аутография языка и сознания» на рецензию Жан-Мари Шефферу и потом опубликует его рецензию. Это могло бы быть забавным эпизодом в интеллектуальной истории современной философии.

Гиренок Федор

Философские сообщества

Тюбингенский кружок. Шеллинг, Гегель и Гёльдерлин.

Часть первая.

Посвящается Жене Цуркану

Ваша светлость, все мы согрешаем

Шеллинг — герцогу Карлу-Евгению, в оправдание своей революционной деятельности

Дружба между философами почти всегда заканчивается исключительно плохо. Редко, при наличии исключительных человеческих качеств, флагманы мировой мысли просто расходятся разными путями, сохраняя нежное чувство привязанности друг к другу. Другой сценарий — это владение на телесном уровне диалектическим материализмом или шизоанализом. Что приводит к необратимым последствиям для общества, но позволяет, как показывает история, сохранить дружбу. Много чаще случаются эпические сражения, кипящие вокруг одного ресурса: общих завоеваний, сделанных в период сотрудничества. Накал страстей отражается в анекдотах, взаимно нанесенные оскорбления служат студентам оправданием, чтобы не трудиться над трактатами всех участников конфликта, а вечности достается то же, что и всегда: усталость, обиды и крупница истины. «Истина» тут — совсем не случайное слово. «Amicus Plato, sed

magis arnica Veritas» — вот повод для начала сражения. Примечательно, что эта фраза обладает самореферентностью относительно фиксируемого ей раздора. Известно, что высказал ее Платон в «Федоне», — и сам же, по прошествии веков и вследствие проведения ряда замен сомнительной взаимооднозначности, стал ее героем. Истина есть то, что разрушает дружбу, — вот как можно переформулировать эту сентенцию. «Вы не поняли мои идеи, а пытаетесь их использовать» — с этих слов начинается вражда. Извращение (проведенное над детьми-идеями) и плагиат (киднеппинг) вместе. Так и огораживается, словно земля у Руссо, своя истина. При этом нарушаются отношения «учитель-ученик», часто сопровождающие дружбу. Последняя образует с истинной бинарную оппозицию, которая пытается играть по правилам субъект-объектного отношения. Ясно, что при этом «истина» берется в абстрактном (то есть, буквально, хирургически вырезанном) виде, без своего предмета и метода производства. В этом любовном многоугольнике людей и идей, в этом бракоразводном процессе много неясного, чисто тактильно удивительного (как можно не найти в «чувстве плеча» истины?) и метафизически запутанного (как можно проглядеть в истине скрытые через снятия дружеские отношения?). Но одно можно сказать точно: удивительно, что в рамках такой бинарной логики развивались отношения Шеллинга, автора субъект-объектного тождества,

и Гегеля, провозгласившего истину результатом, неотделимым от способа его получения. К этой истории, в единой алхимической колбе которой сплавлены вместе безумие, поэзия, дружба, политика и философия, мы и обратимся. Обычно мы, повинувшись вульгарному прагматизму мысли, запоминаем мыслителя таким, каким он закончит свой жизненный путь, и смотрим на него через призму концепций, реактуализирующих его идеи. Так, Шеллинг оказывается странной (мистической, романтической, чувственной....) тенью Гегеля (например, Питер Сингер считает, что Шеллинг сегодня забыт, и заслуженно), сам же Гегель — не более чем философ прусского абсолютизма, перевернувший мир вверх тормашками, воспринятый потомками через толкования Маркса, Брэдли, Ройса и Кожева. Рядом с этой в высшей степени удивительной парой (мифос и логос, чувственность и разум!) стоит безумный Гёльдерлин, внимание к которому привлекли Луначарский в России и Хайдеггер в Германии. Но кем они были до того, как их лица застыли в посмертной маске величия, до того, как гибкое их слово застыло и стало ломаться в руках последователей и толкователей, до того, как они обогатили философию не только мыслями, но и мифологией вокруг этих мыслей?

Обычно мы запоминаем мыслителя таким, каким он закончит свой жизненный путь

Кем был человек, зарабатывающий словом, в конце XVIII — начале XIX века? Это отпрыск мелкого буржуа, живущего между религией и торговлей. Гегель и Гёльдерлин родились в герцогстве Вюртемберг в одном, 1770 году, один — в семье чиновника казначейства, другой — у рано умершего (мальчику было 2 года) управляющего церковным имуществом. Шеллинг родился там же, 5 лет спустя, в семье пастора, воспитавшего его в духе пиетизма (вот они, корни будущего обращения к Бёме!). От рождения у них не было ничего, что бы могло принести доход, кроме своей гортани и своего пера. Неспособные к материальному производству самому по себе, они превознесли духовное (что и называется «идеализм»), переконвертировав его в статус властителей дум, который стал гарантом поддержания вещественной стороны их жизни: через университеты, учеников, журналы, публикации, расположение князей мира его. Но путь к этому открывало, при наличии таланта и связей, только одно: образование.

О школьных годах Гёльдерлина известно сравнительно мало, зато мы неплохо представляем себе раннее интеллектуальное развитие наших философов. Гегель был первым в школе учеником, невероятно чувствительным к тому, что говорят учителя, послушным и трудолюбивым мальчиком. Часто пользовался герцогской библиотекой — в те дни, когда она была открыта для посторонних, всегда можно было встретить там маленького ученого. Под ее сводами он и изобрел свой метод чтения, которому будет верен до конца жизни и которым сейчас пользуются девочки-отличницы с толстыми разноцветными, облепленными стикерами блочными тетрадами: обширные, подробные выписки и минимум собственных мыслей. К чести Гегеля стоит сказать, что он действовал так задолго до появления развитой кан-

целярии и книги для чтения, как правило, выбирал сам (читал он философские труды, нудные дидактические романы и древних поэтов, не обращая внимание ни на Гёте, ни на Шиллера, что, однако, не мешало ему рассуждать о достоинствах древних поэтов в сравнении с новыми). Было нечто женское в этом читающем мальчике: аккуратность, готовность впитывать, восприимчивость к тому, кого он выбрал в учителя. Потом поэтический жар Гёльдерлина и глубина мыслей Шеллинга оплодотворят-таки его сухую душу (в дневнике Гегеля того времени не найти ничего подросткового и детского, они скорее похожи на бухгалтерские отчеты). Несмотря на его очевидные успехи в учебе, никто не мог тогда предположить, кем вырастет этот мальчик.

С самого раннего детства всем окружающим его было ясно, что Шеллинг — гений

Совсем иным юношей был Фриц (так звали его дома) Шеллинг. С самого раннего детства всем окружающим его было ясно, что это гений. А как еще назвать того, кто в тринадцать лет уже окончил классическую гимназию, в пятнадцать опубликовал стихи в престижном журнале «Беобахтер», а через год, волею монарха, поступил в институт — на два года раньше, чем это допускалось законом? К моменту поступления он уже пишет стихи (то есть свободно владеет) на греческом, латыни, арабском, древнееврейском и основных европейских языках, знает математику и основы естественных наук. Для тех, кто, как Джерри Рубин, полагает, что нельзя верить тому, кто старше тридцати, Шеллинг (как и Дэвид Юм) — идеальный наставник в философии. Труды «О возможности формы философии вообще», «О Я как принципе философии» и «Философские письма о догматизме и критицизме», сделавшие его известным и поставившие его на один уровень с блиставшем тогда Фихте, он написал еще в стенах университета. Причем «О Я...» и «Письма» были созданы в одно полугодье, тогда же, когда Шеллинг написал и свою богословскую диссертацию!

На первый курс Тюбингенского теологического института (Stift'a, т.е. монастыря, приюта, как называли ее ученики) Гегель и Гёльдерлин были зачислены в 1788 году. Они тянутся друг к другу. Гегель видит в поэте воплощение античности. Гёльдерлин в Гегеле находит рассудительность, которой недостает ему самому. Шеллинг поступает в 1790. С этого года они живут в одной комнате, между молодыми людьми завязывается дружба, приносятся клятвы на верность. Их называют тремя тюбингенскими товарищами. Что же представляло собой место, сделавшее возможным их союз? Это был институт, созданный в XV веке для воспитания будущих лютеранских пасторов. Студенты (около 300 человек) получали герцогскую стипендию. Поступление туда, как доказывает пример одного одиозного выпускника, Рейнхарда (начал взрослую жизнь как революционер, закончил как пэр Франции), открывало большие возможности: не только если не работать потом по специальности. Это было заведение темное (студентов в городе называли «черные», по цвету формы), отсталое от века и репрессивное. С российской бурсой, описан-

ной Николаем Помяловским, конечно, не сравниться, но место для молодых людей малопривлекательное. В заведении действовали жесткие правила: вставали в 5 утра, молитва, завтрак (кормили, в основном, горохом с салом), богослужение, занятия, прогулка, занятия, перерыв, самостоятельные занятия, молитва, еда, сон. За проступки (за курение, или за бродяжничество, как Гегеля, наказывают карцером). Обучали философии, истории, искусству, фехтованию, верховой езде, богословию и риторике.

Срок обучения составлял пять лет. Отучившись два года, студент защищал написанную профессором диссертацию по философии. В конце обучения, также неавторскую, защищал он работу по богословию. Шеллинг прославился тем, что защищал работы, которые были плодом его собственных раздумий («Опыт критического и философского истолкования древнейшей философии о происхождении человеческого зла по третьей книге Бытия» — философская, «Об исправлении Маркионом посланий Павла» — богословская). В год его поступления Гегель и Гёльдерлин защищают диссертацию, написанную профессором Августом Беком, посвященную возможности морали без веры в личное бессмертие. Ответ был чисто кантианский: возможно, ведь мораль обладает автономией.

Учиться студентам, даже Гегелю (который порой приходил на лекции пьяным и даже получил от старосты нагоняй: «смотри, Гегель, мозги не пропей»), было откровенно скучно. Развлекались тем, что нарочито тихо, картаво или запинаясь читали обязательные проповеди (здесь берет свои корни миф об отсутствии красноречия у Гегеля). Учебные порядки вызывают ненависть. «Век неизлечим», — напишет в «Обвинительной речи» Гёльдерлин. Студенты развлекаются также тем, что избивают французских эмигрантов, сторонников королевской власти. Ходят по девушкам, курят, нюхают табак, пьют шнапс в трактирах. «Любовь» — вот девиз Гегеля того времени, впрочем, популярностью он не пользуется. Круг чтения наших друзей: Шиллер, Гёте, Руссо, Кант (Шеллинг организует кружок по изучению мыслей старца), Шульце.

Что объединяет наших друзей, кроме общаги, общего врага и молодости? Три вещи: античность, революция и Кант. Первое является их возвышенным историческим опытом, тем, что они проживают более ярко, чем внешнюю жизнь. Они пытаются прожить (не только промыслить!) единство античного и христианского. Пробуют свои силы в поэзии, вдохновленные мифом о золотом веке, отлитым позднее в теологических работах Гегеля и «Гиперионе» Гёльдерлина. Для одного из них это станет делом жизни. Второе — это то современное, что кажется им пришедшим из прошлого, пришедшим, чтобы снести настоящее во имя разума (то есть, во имя греков). Они обращаются к Великой Французской как к солнцу, источнику мысли и поэзии. Тут же рождается легенда о деревьях свободы, которые друзья высадили в саду университета. Гегель потом будет до конца жизни праздновать 14 июля, день взятия Бастилии, который, однако, в Германии поднял лишь души, но не тела, не борьбу с тиранией. Друзья объявляют себя жирондистами, пьют за смерть короля и вызывают этим гнев герцога. Шеллинг переводит на немецкий «Марсельезу», за что его отчитывает лично герцог Карл-Евгений. Друзья организуют

политический клуб вокруг однокурсника Шеллинга Августа Ветцеля, который был членом якобинского клуба во Франции. Третье — это аналог второго в области философии. Потом Маркс напишет, что то, что по-французски звучит как «политика», по-немецки звучит как «философия». Рядом с Кантом стоят имена Якоби и Лессинга. Девиз наших друзей, записанный в альбоме Гёльдерлина: «Все и Одно!». Или как на другом языке запишет у себя Гегель: «Смерть тиранам!». Интересная рукопись Шеллинга была обнаружена в 1994 году. Это ученический конспект платоновского «Тимея», написанный между 1793 и 1794 годами, то есть когда Шеллинг еще был студентом. Суть его в том, что молодой философ пытается провести параллели между платоновской космологией и кантовской теорией познания, находя взаимодозначные соответствия между идеями и априорными формами чувственности, по которым Я, соотносимое с Демиургом, творит мир. Это первая попытка синтеза критицизма и догматизма, что, собственно, и составляет суть немецкой классики после Канта.

«Смотри, Гегель, мозги не пропей»

Они чувствуют свое превосходство над всеми: первые в учебе (у Шеллинга всегда только «превосходно», у Гегеля и Гёльдерлина — «отлично»), первые в кутеже (оценки за поведение у всех ниже среднего; 52 лекции, пропущенные в одном семестре, — норма). Но среди равных, как известно, некоторые равнее других. Гегеля считают учеником Шеллинга. Ко времени окончания учебы (а может быть, чуть позднее) относится создание трицей странного документа, найденного историками философии в начале XX века. Документ (названный «Первой программой немецкого идеализма») написан рукой Гегеля, но сегодня уже мало кто сомневается в том, что рукой этой водили мысли Гёльдерлина (в работе есть положение о первостепенной роли поэзии) и Шеллинга. Есть там, в частности, такие слова: *«я покажу, что не существует идеи государства (ибо государство есть нечто механическое), так же как и не может быть идеи машины. Идею составляет только то, что имеет своим предметом свободу. Следовательно, мы должны выйти за пределы государства! Ибо любое государство не может не рассматривать людей как механическое шестеренки, а этого как раз делать нельзя, следовательно, оно должно исчезнуть...»*. Ничего себе философ прусского абсолютизма! Однако позднее Гегель сильно изменит свою точку зрения. Шеллинг, как и Кант, назовет государство злом, а Гегель укажет, что нравственное бытие есть не автономное существование морального индивида, а живое его согласие с духом народа, здоровье которого поддерживает война. Можно с полным правом полагать это одновременно конформизмом и милитаризмом, но придется признать: да, именно так и понимает нравственность буржуазия — как воинствующий конформизм. И Гегель тут на высоте своего класса.

**Продолжение статьи читайте
в следующем номере ФК.**

Логинов Евгений

Наш метафизический клуб

Организованный нами **Метафизический Клуб**, если говорить кратко, — это виртуальное исследовательское объединение, а также дискуссионная площадка для молодых ученых и философов, совместно ищущих ответы на труднейшие мировоззренческие вопросы. Самое первое, что следует спросить в этой связи, — а почему Клуб, собственно, метафизический? Как метафизика сочетается с ориентацией на междисциплинарные исследования и с позитивистскими, по сути, установками участников Клуба? Метафизика традиционно была злейшим врагом любого позитивиста: среднестатистический представитель этого течения смотрит на нее как на эдакий ящик Пандоры, в котором кишат различные дефективные способы рассуждения. Этот ящик, по меньшей мере, следует оцифровать, чтобы потом погрузить на дно какой-нибудь Марианской впадины. Действительно, так думали первые, вторые, третьи позитивисты. Но ведь нет причин приписывать данное свойство всему числовому ряду! Крах программы логического позитивизма, был обусловлен, среди прочего, неустрашимостью метафизических предложений из языка науки и тщетностью многообразных попыток избавиться от спекулятивных построений, опираясь на процедуры верификации и строгие логические методы. С одной стороны, данное положение вещей отчасти реабилитировало метафизику, с другой стороны, оно не сняло прежних обвинений с подозреваемого. Метафизика была, есть и остается областью слабо обоснованных рассуждений, чьих-то фантазий, чаяний, упований и грез. И тем не

менее, метафизика осталась самой интересной областью, в которой сосредоточены животрепещущие и волнующие мировоззренческие вопросы о смысле жизни, назначении человека, Боге и др.

Метафизика была, есть и остается областью слабо обоснованных рассуждений

Речь не идет в точности о том, что наш Клуб специализируется на метафизических рассуждениях. В действительности, выбор названия был делом случая. Так оказалось, что на момент формирования нашей исследовательской группы один из основателей Клуба занимался изучением философии Пирса и что-то прочитал о небезызвестном американском Метафизическом Клубе, в деятельности которого принимали участие такие философы, как Пирс, Джеймс, Райт и др. Научная ориентация, философские идеи участников и стиль работы американского Клуба были нам симпатичны, поэтому, недолго думая, мы присвоили себе аналогичное название. Нас едва ли было можно обвинить в плагиате: метафизические клубы существовали в Европе и до аналогичного объединения ученых и философов в Америке. Еще труднее было обвинить нас в американофобии, коль скоро мы ассоциировали себя с таким «брендом». И все же мы не хотим, чтобы в этом усмотрели и американоманию, заимствование всего заморского, а значит, какой-то акт духовной капитуляции проигравшей в холодной войне страны. На самом деле, наш Клуб далек от такого политико-идеологического дискурса: мы все живем в одной интеллектуальной стране под названием Философия, в ней нет паспортов, а гражданство дается по факту рождения здравых идей. Но если рассматривать

ситуацию с точки зрения дел земных, то мы готовы допустить именно такое подражание Западу, заключающееся в копировании действительно стоящих вещей: западная философская мысль XX и XXI веков достигла потрясающих результатов, освоение которых не только обогатит русскую культуру и общество, но в принципе определяет возможность их выживания в современном, сверхсложном и динамично развивающемся (в том числе интеллектуально) мире. Ничто не мешает увидеть в этом особую миссию (при сильном желании).

Итак, метафизика не есть область наших специальных усилий. Метафизическое понимается нами скорее метафорически: метафизика уводит в сферу возвышенных духовных исканий, разгадывания тайн мироздания, попыток заглянуть в неизведанное. Здесь возникает совершенно особое отношение к своему интеллектуальному труду.

Если разобраться, то философия как профессия — это ведь ужасно пошло!

Если разобраться, то философия как профессия — это ведь ужасно пошло! В чем-то были правы Сократ, Платон и Аристотель, презиравшие платных учителей мудрости — софистов. Суть философии заключается в любви к мудрости, а любовь за деньги сами знаете, что такое. Конечно, есть неизбежные условия существования, но акценты можно расставлять по-разному. Важен не только философский труд и его результаты, не менее важны силы, определяющие деятельность и отношение к труду. Для нашего Клуба это выразилось в максиме: следует любить философию в себе, а не себя в философии. Эта максима не

есть просто красивая сентенция, в конечном счете ничего не меняющая. В ней выражен особый подход к организации процесса философской работы и профессиональной кооперации, подразумевающий слаженное взаимодействие, взаимовыручку, подлинное увлечение делом и многое-многое другое. Это ценностное измерение нашего Клуба тоже есть метафизика, хотя оно вызвано к жизни и определенной прагматикой.

Поскольку участники Клуба разбросаны по разным городам (Москва, Санкт-Петербург, Томск, Самара) и мы вынужденно метаclubствуем в виртуальном пространстве, то можно — не без доли комизма — объяснить еще и этим нашу метафизичность. Действительно, в реальном, физическом мире наше общение стало редкостью. Тогда как в онлайн мы проводим регулярные встречи, которые делятся на два основных типа — интенсивы и экстенсивы. В рамках интенсивов ведется глубокое исследование отдельных тем, интересных в данный момент Клубу. Интенсивы по своему характеру регулярны. Экстенсивы, наоборот, носят спорадичный характер, их цель — повысить эрудицию участников, расширить горизонты мировосприятия. В рамках экстенсивов мы обычно обсуждаем самый широкий круг философских и научных вопросов. Кроме того, Метафизический Клуб осуществляет посильный соцпросвет. Именно с этой целью был создан сайт <http://www.metaclub.pro/>, куда выкладываются различные творческие работы за авторством участников Клуба: среди них статьи, эссе, тексты социально-просветительских проектов. Хотя речь идет пока только об одном проекте, который мы были готовы представить широкой публике: в нем разработаны технологии сопротивления манипуляции общественным мнением. Проект популярно рассказывает о методиках распознавания манипулятивных приемов, используемых СМИ. С другой стороны, проект демонстрирует, каким образом философия может быть прикладной и полезной обществу. Так что разработка проекта по манипуляциям оказалась любопытным интеллектуальным экспериментом.

Именно из таких экспериментов, исканий, увлеченного труда и состоит наша деятельность. МетаКлуб — это, прежде всего, объединение коллег и друзей, сформировавших свою уникальную среду профессиональной коммуникации. Мы существуем, чтобы превращать трудовые будни философа в трудовой праздник, и в этом — главный смысл нашего объединения. Заходите на наш сайт, изучайте материалы, вступайте в дискуссию, присоединяйтесь к общей работе: Метафизический Клуб открыт для самых различных творческих предприятий и авантюры.

Аргамакова Александра

Поэзия

преисполненность.

при выходе из прошлого — забывают все связи памяти
при выходе из преисподней — не оставляйте ничего за плечами
знайте,
и то, и другое имеет свойство отравлять
подкожно печалью
возможно,
будет не так безнадежно
начинать в очередной раз жить.
заново.
с какой-то стати.

Аксинья Домео, Москва

Мандельштам

беру я с полки томик Мандельштама
привычно пальцы зашуршали по листам
я спрятал где-то здесь полграмма
а может даже целый грамм!

Егор Енотов, Петербург

да хоть десятки лет рифмуйте про вокзалы
остывшую любовь, как грязное белье
для белоснежных дураков.
С вас, безыдейных, спросу будет
как ливня с перисто-слоистых облаков.

Павел Крузенштерн, Петербург

умру.

в пять утра я схожу с ума
 голова моя — урна
 чешеца правая ступня
 но я не буду этого делать
 я никогда не буду это делать
 господа, это аморально
 астральное тело
 вертится уверенно на полу
 может, через час я умру
 это было бы к лучшему
 хорошо когда на кухне пусто
 но если я умру
 я никогда больше
 не усну.

Маша Марсианка, Москва

**спустя 9 пробуждений
или похмелье**

сто одиннадцатая минута
 потягивается как кошка
 палец стучит по стакану
 марш отбивая вторя
 хрипу холодильника «зил»;
 проснулся живой —
 победил.

Павел Крузенштерн, Петербург

когда эвридипову тьму нечаянно включают в ванной,
 хоть кричи-не кричи
 «эврика! эврика!»
 все равно
 велика вероятность
 того, что вода перельётся
 и придётся учиться плавать
 в квартирном пространстве
 этого
 с детства
 боюсь
 больше всего
 этот страх — единственное, что с детства осталось.
 Аксиныя Домео, Москва

Бухгалтер ЖЭКа Пётр П[е]

Бухгалтер ЖЭКа Пётр П[е]
 Любил опаздывать везде;
 Ему все было невдомек,
 Как он людей подставить мог.
 В его отчете за июль
 Все время значился «июнь».
 Имел он колли двух собак
 И должен был вести их в парк;
 Гулять никак не успевал
 И вечно дома убирал.

Будильник ставил он за час,
 Но не слышал он всякий раз
 Его пронзительный звонок,
 И выходил всегда не в срок.
 Наш Петр был трудов ударник,
 Чем недоволен был начальник,
 Поскольку все его труды
 Были не вовремя сданы.

Любитель званных вечеров,
 С привычной тяжестью оков,
 Он успевал лишь на десерт.
 И, снова получив конверт,
 Все приглашенья принимал,
 Начала только пропускал.

Случился в городе конфуз:
 Приехал новый врач-француз,
 Сиропы травные варил,
 Людей под сотню уморил.
 Среди счастливчиков таких
 Остался Пётр П[е] в живых.
 Он целый год о чем-то ныл,
 Но тот сироп он все же пил,
 И, как обычно, опоздав,
 Ушел он, Богу душу сдав.

Петра собрались хоронить.
 Коллеги в сборе, скоро пить.
 Смиренно гости ждут Петра.
 Когда же вывезут, когда?
 Но то с костюмом что не так,
 Потом в гробу нашелся брак,
 И скоро люди разошлись,
 Поминок так не дождались.
 Один оставшись в скорбный час,
 Он опоздал и в этот раз.
 Привычкам следуя своим,
 Был до конца неумолим.

Мораль сей басни такова:
 Быть нужно первым.
 Не с конца!..

Оксана Демченко, Москва

Тулэйт

Всем привет, меня зовут Витя Водочкин, и я опаздываю. Похлопаем.

Вы спросите (если, конечно, умудритесь повернуть языком в тесном пространстве своего честнейшего рта): «Почему, Виталий? Это же неприлично. Это — неуважение. Ты — подлец, Витяня, таких надо гнать взащей из мира насекомых. Поганой метлой его, самой поганой, самой метлой!»

Ну, успокойтесь, товарищи. Уважать-то можно устенно и письменно, действенно — тоже можно. А вот когда ты, товарищ честных правил, под сорокоградусной беседой клятвенно брызжешь слюной в собеседника, по-братски обнимаешь его и говоришь заветное «Ты меня уважаешь?» — веришь ли ты свято (пусть даже и поддатый) в его положительный кивок нетрезвой головы? Неужто веришь? Да ты, братец (видишь, мы уже стали ближе, ну, метра на полтора по родственной шкале), простой, как три рубля. Три с половиной, говоришь? Да без проблем, пускай ты теперь прост рубля на три с половиной. Но что от этого меняется? Посмотри правде в глаза: она плачет, плачет от смеха, глядя на тебя. Уважение-то не здесь, а там, понимаешь? Там — во внутривенной инъекции чувства, которое вливается, когда замечаешь нечто значительное: то, что человек сотворил, хотя не мог. В теперешнее время самым значительным является самосоздание, столпотворение, то бишь творение из себя столпа, создание внутри, между органов, огромного карандашного стержня, чтоб он писал и правил, чертил линии и исправлял их. И помарок куда бывает больше, чем правильностей, но это хорошо, ведь ты работаешь. Если ты был бы гением — писал бы начисто сразу. Но ты не гений, извини, соответственно, должен править. А если не-гений отказывается что-то исправлять, то он просто нуль без абочки. Не хочешь быть нулём — стань единицей, товарищ стремящийся. Но, конечно, не той, которая среди нулей и единиц, одиноких и беспокойно бегущих по магазинам. Стань единицей, сложившейся из двух половин: тебя и идефикс. Найди любовь или хотя бы какую-то бесконечную работу, от которой станут дрожать колени и краснеть в четыре часа утра глаза. Сердце (или что у тебя там: ведь у всех по-разному) зафиксиру-

ется на этом сверхценном трюке, и он завладеет тобой, а ты овладеешь им. Теперь ты на пути к единению в единичности, а когда придёте, рука об руку со своей амуркой, тогда станешь этой самой палкой, рядом с которой даже нулём быть не стыдно.

И ты, эдакой катер на волнах непросыхающей пустыни, плывёшь по-королевски просто, а все смотрят на тебя и уважают. И думают, что ты ого-го, возможно, даже эге-ге! А ты им улыбаешься и уважаешь вслед. А там — и люди, и звери, и корабли помельче, и побольше — и все восхищённо пялятся на твоё свечение. Те, кто уже всё, кто на финише столпотворения, те пялятся менее рьяно, так как они уже приплыли, и края моря мешают краям губ улыбаться.

А представляешь, что самое интересное? Самое примечательное — то, что никогда не поздно стать культиватором и перепахать заросшее поле своей жизнишки. Понятно, что земле будет больно и она будет орать истошно, но ничего, потерпит и втянется в радость. Но самое главное, что опоздать невозможно. Да, ты будешь поздним ребёнком себя, но ребёнком будешь любимым и любящим, ребёнком главным. Тут внутри и дерево растёт, и дом строится, да и ты подрастаешь, сын.

Опоздание — это не плохо и не хорошо, это просто есть, от него не уйти и на козле не уехать

Но есть проблема, если ты её создаёшь: задержка. Тут нельзя опоздать, но можно задержаться, и эта оплошность — самый большущий грех. Нет, ты не станешь отвечать за него перед кем-то, но, рыдающий, ответишь перед собой. Когда станешь приобщаться к себе, будешь плакать, как девочка, потерявшая мячик, из-за того, что долго откладывал своё освобождение. Конечно, ты ещё не летаешь по-птичьи, но уже не ползаешь, как водоросль-недоросль по дну. И тебе стыдно и обидно за то, что раньше не начал приподниматься, что тащил за собой свой хитиновый домик и не знал, что внутри тебя — дом каменный. Это, как минимум, Божественная трагедия, как максимум — комедия для тебя последнего, когда уже будешь ходить по воде и не мокнуть.

Опоздание — это не плохо и не хорошо, это просто есть, от него не уйти и на козле не уехать.

Я опаздываю куда-нибудь, потому что делаю что-нибудь: сплю ли, курю ли, поглощаю ли картошку. Я извиняюсь за то, что отнял время у кого-то своей непунктуальностью. Но непунктуальность — просто несовпадение двух пунктов: А и Б, то бишь тебя и меня. А пунктуальность — совпадение. А после встречи вся эта пунктирная совпадаемость становится снова разнообразной: мы расходимся. То есть стоило ли, если всё равно итога два (я и ты на разных вокзалах)? Конечно, стоило, но стоило немногого.

А вот когда ты задерживаешься — болеешь. Это же задержка, это же симптом, нарастающая болезненная тенденция к гибельности. Ты опаздываешь в силу себя, когда захочешь и по любой причине. Задерживаешься же по причинам, от тебя не зависящим. То есть ты, такой пеликан, пляшешь под чью-то гипнотическую песенку: будь то пробка на дороге или сериалы про американскую молодёжь, которой даёшь (ясное дело — время).

Что опоздание, что задерживание — не порок и не ужас. Когда кто-то ругает кого-то за потраченные минуты, тратит на это ещё больше своих ручных минут и неприрученных нервишек. Расслабьтесь и счастливы будьте, любезные радиослушатели.

Ключевой момент — оправдание, и ты поворачиваешь ключ в любую сторону, и дверь открывается тоже по-разному: ты либо сам, либо кто-то за тебя. Реши, что ли, товарищ.

Ладно, я пойду покурю, а то опаздываю. Покурить, естественно.

Водочкин Витя

Юмор

Сам шучу — сам смеюсь. Что тут такого? Это называется «натуральное хозяйство».

— А как правильно пишется: «картина» или «табуретка»?

— Ну, от контекста зависит.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь
В СУПЕРПРОЛЕТАРИЯ

Учёные обнаружили мальчика, воспитанного шрифтами. Всю жизнь он питался этими мягкими французскими булками и чаем.

Добро побеждает зло. Заметьте: в этой фразе не понятно, какое из слов стоит в именительном падеже, а какое — в винительном.

Я вырос в маленьком городке, где все друг друга знали. Поэтому, чтобы кого-то ограбить, с ним нужно было предварительно об этом договориться.

Живи быстро. Ешь лапшу быстрого приготовления.

Однажды злая колдунья превратила гопника в стиральную машину. И знаете, что: та отлично отжимала!

Когда кошке плохо, у неё на душе скребутся люди

С утра очень сильна кроватация. Кроватация — это как гравитация, но тебя притягивает не к массивным телам, а к кровати.

Я всегда любил повторять: «Я всегда любил повторять».

Дабы при битье ногами наносить больший ущерб, К. поджёл сапоги. После избиения он скрылся. Позднее его удалось задержать по горячим следам.

Миха считал, что занятые во время езды руки ведут к аварии, поэтому купил себе приспособление, позволяющее без помощи рук пить водку.

Леха Зё

Конкурс:

Внимание: конкурс эссе для осеннего выпуска продлен до 20 сентября. Напоминаем, что выпуск будет посвящен проблеме курения. Предлагаем художникам присылать свои смелые ассоциации на эту тему: будь то изображение ладони, держащей трубку или сигарету, рук, сворачивающих самокрутку или сигару, чашки кофе, остановки, полной дымом ожидания, спокойных нервов, раковых легких, запрещающих и разрешающих курение табличек, колец дыма и задыхающихся, страдающих некурильщиков, — словом, всего прекрасного и ужасного, что есть в курении. Жизнь, смерть, и всякое такое.

Для поэтов: присылайте свои стихи на lidakim93@gmail.com.

Номер подготовили:

В. Водочкин
О. Демченко
Г. Андреев
А. Мерцалов
А. Басов
Е. Быков
Д. Миронов
Е. Логинов
Л. Ким
К. Бурмина
И. Фомин
Д. Шмальный
А. Полякова

Д. Грудинин
Ю. Чугайнова
Ф. Гиренок
И. Данилов
А. Сергиенко
А. Аргамакова
А. Домео
М. Марсианка
Е. Егоров
К. Сайфулина
М. Балашова
Д. Шик
П. Крузенштерн

Контакты редакции:

loginovlosmar@gmail.com (Евгений Логинов), fominivan1@gmail.com (Иван Фомин), lidakim93@gmail.com (Лида Ким), vk.com/philoscafe (группа Философского кафе), datepalmcompote.blogspot.ru/ (блог, где публикуются материалы, не вошедшие в выпуск, и где хранится интернет-архив номеров).

